

М.В. Юдиной, Г.Г. Нейгауза, нередко исполнение сопровождалось стихотворными комментариями из Б.Л. Пастернака, О.Э. Мандельштама, А.А. Ахматовой...

Безнадежными, большей частью, были наши попытки повторить то, что показывала за вторым роялем Иза Давыдовна, но в сознание (как образ) это внедрялось уже навсегда. Нам искренно завидовали сокурсники и знакомые, когда мы «выдавали» полученную на этих занятиях информацию об интерпретации «Французских сюит» И.С. Баха и Сонат В.А. Моцарта, «Танцев Давидсбюндлеров» Р. Шумана и Девятой сонаты А.Н. Скрябина — ею самой и тех выдающихся исполнителей, кого она близко знала.

Мы ходили, как именинники после ее сольных концертов в Малом зале им. А.К. Глазунова Ленинградской консерватории, который зачастую не вмещал всех желающих: среди ее многочисленных постоянных слушателей было немало людей из литературного и художественного мира, приходивших специально послушать ее А.Н. Скрябина и Р. Шумана, ее К. Дебюсси и Ф. Пуленка. Мы гордились тем, что являлись учениками (а это почти всегда означало — и *друзьями*) такого замечательного человека и педагога, у которого мы учились не только музыке...

Ушла из жизни Иза Давыдовна Ханцин в 1984 году, не дожив полгода до своего 85-летия.

Литература

1. Берестов В.Д. Мандельштамовские чтения в Ташкенте по время войны. О Н.Я. Мандельштаме. Режим доступа: URL: <http://dozor.narod.ru/writers/berestov/reading.html> (дата обращения: 05.06.2011).
2. Герштейн Э. Новое о Мандельштаме: [Из воспоминаний] // Наше наследие. 1989. № V. С. 101–124.
3. Григорьев А., Петрова И. Мандельштам на пороге 1930-х // Russian Literature. 1977. № V-2.
4. Осип Мандельштам «Полон музыки, музы и муки...»: Стихи и проза / Сост., вступит. статья и коммент. Б.А. Каца. СПб.: Сов. композитор, 1991. 144 с.
5. Мануйлов В.А. Анна Андреевна Ахматова // Записки счастливого человека. СПб.: Европейский дом, 1999. С. 215–315.
6. Мария Вениаминовна Юдина: статьи, воспоминания, материалы / Ред. С.В. Аксюк; сост., авт. примеч. А.М. Кузнецов, авт. предисл. Г.М. Коган. М.: Сов. композитор, 1978. 416 с.
7. Павлович Н.А. Воспоминания об Александре Блоке / Вступ. заметка З.Г. Минц, комм. З.Г. Минц и И.А. Чернова // Блоковский сборник: Труды науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А.А. Блока, май 1962 г. / Отв. ред. Ю. Лотман. Тарту, 1964. С. 446–506.
8. Располчина Н. «Александр Дубянский. Музыкант превосходный, единственный...» // Чайка. Seagull Magazine. № 5 от 19 сентября 2003 г. Режим доступа: URL: <http://www.chayka.org/node/122> (дата обращения: 05.06.2011).

Iza HANTSIN Remembering Mandelstamm

Personal memoirs of the pianist I. Hantsin about the poet O. Mandelstamm.

Key words: Iza Hantsin, O. Mandelstamm, memoirs.

Иза ХАНЦИН Воспоминания о Мандельштаме

Личные воспоминания пианистки Изы Ханцин о поэте Осипе Мандельштаме.

Ключевые слова: Иза Ханцин, Мандельштам, воспоминания.

Мемуары — не мой жанр, но болезнь помешала мне выступить и рассказать о Мандельштаме так, как хотелось бы, поэтому я прошу простить меня за эскизность моих заметок. Но хотя бы в нескольких словах мне хочется охарактеризовать этого человека.

Знакомство мое с О.Э. Мандельштамом состоялось в Киеве, в 1919 году. Сначала я встречалась с Надеждой Яковлевной Хазиной [будущей женой поэта. — Г.Н.], с семьей которой очень дружила, — Осип Эмильевич появился несколько позже. Киев тогда был «проход-

ным городом», в котором скопились люди, бежавшие из голодных Москвы и Петрограда. Было в Киеве кафе, называвшееся ХЛАМ (художники, литераторы, артисты, музыканты), куда стекались все люди искусства — там мы и встретились с Мандельштамом. Но знакомства были тогда непрочны (власть постоянно менялась): мы не знали, что будет завтра — кто-то уходил с белыми, кто-то с красными, кто-то скрывался или бежал за границу.

В начале 1920-х годов я уехала в Ростов, где жили родители. Там началась моя деятельность [педагогиче-

ская и концертная. — Г. Н.]. Спустя некоторое время там появились и супруги Мандельштамы.

Опять-таки все пути вели в кафе поэтов, куда мы приходили выпить чайку, узнать новости и, конечно, почитать стихи и послушать музыку. Посетители кафе были самыми разнообразными, вплоть до В. Хлебникова. Но и в Ростове пребывание Мандельштамов было непродолжительным — они сами не распоряжались тогда своей судьбой, так же, впрочем, как и все мы. В Ростове я встретила с А. О. Моргулисом, за которого вышла замуж, и мы вернулись в Ленинград, где я училась в консерватории.

Следующая наша встреча и близкое знакомство с Осипом Эмильевичем произошло уже в Ленинграде (1925) — тогда они жили в Лицее (г. Пушкин). Мы часто бывали у них, они — у нас в Ленинграде. И после переезда Мандельштамов в конце 1920-х в Москву наши отношения не прервались: мой муж чуть ли не еженедельно бывал в Москве по работе (он был членом Правления Союза писателей), а, кроме того, ездил по издательским делам — он был переводчиком; меня он брал с собой.

Осип Эмильевич очень любил моего мужа. Как мне помнится, таким же нежным взглядом он смотрел только на своего младшего брата Шуру. У нас Мандельштам как-то смягчался, его постоянная внутренняя напряженность разряжалась, кроме того, он очень доверял литературному вкусу моего мужа. Осип Эмильевич постоянно читал нам стихи. Сам очень радовался каждому рождению «Моргулет».

Хочу подчеркнуть: Мандельштам был как бы «врощен» в Петербург, и в то же время горячо любил Юг и всегда стремился туда; с Москвой он не сливался...

Все мы, как мне кажется, во всяком случае, большинство людей, принадлежим к какой-нибудь породе животных. Осип Эмильевич походил на птицу: это «птичье» сказывалось во всем. Его голова была чуть поднята кверху и наклонена набок, при опять же «птичьей» летящей походке. Его лицо всегда обращало на себя внимание своей необыкновенностью, привлекали удивительно выразительные глаза, в которых страдание сменялось нежностью, задумчивостью, иногда в них было отсутствующее выражение.

Во всех проявлениях О. М. главным была эмоциональная окраска, что бы он ни делал; на все повышенная реакция. (Описывать его весьма трудно, очень был сложен, беспощаден к любой несправедливости, реагировал повышенно нервозно.) Он был легко раним и впечатлителен, очень остро все воспринимал.

На протяжении всех лет, что я его знала, он подсознательно — а, возможно, и сознательно — сопротивлялся всему бытовому. Ему было все равно, что на нем надето, как он выглядит. Вот пример: в Ростове он отправился в парикмахерскую, потом зашел за нами с Надей в кафе поэтов и сказал, что забыл в парикмахерской шляпу; мы все отправились за шляпой, но гардеробщик

выгнал нас, сказав, что Мандельштама он видит впервые. Оказалось, что за углом есть другая парикмахерская, туда Осип Эмильевич пошел уже один — мы побоялись. На этот раз он не ошибся и вышел в шляпе — но в какой! Это было что-то вроде котелка неопределенного цвета и формы, в который Мандельштам почти провалился.

— «Ося, что у тебя на голове?», — спросила Надя.

Он удивлялся: «Как, разве это не моя шляпа?»

Мандельштам не знал своих вещей. И вещи не любили его и «убегали» от него, все пропадало. Надежда Яковлевна без конца искала исчезнувшие вещи.

Так же он относился и к деньгам — радовался им и очень легко, сам не зная на что, тратил, так что денег, как правило, не было.

Каждому человеку присущ свой стиль и, следовательно, свой антураж. Но если бы режиссеру пришлось ставить спектакль о Мандельштаме, то он оказался бы в затруднении — в какую обстановку поместить своего героя. Он не нуждался в обычной обстановке — столе, секретере и т. п. — для создания стихов ему достаточно было письменного стола или подоконника.

Создать ему быт Надежда Яковлевна не могла, он разрушал его тут же, да она и сама не очень это умела — в чем-то они были очень похожи; их взаимоотношения доходили до «общего дыхания». Ей было много хлопот с ним: она старалась уберечь его от непонимания и нападок, она боялась отпускать его одного — он не умел соблюдать правил так называемого общественного порядка, в которых очень плохо разбирался, и поэтому боялся уличной администрации — милиционеров и управхозов; кроме того, он был очень рассеян. Эта постоянная боязнь «чего-то» ощущалась в нем постоянно, он словно предчувствовал свой рок...

Как чтец своих стихов Мандельштам незабываем. Ему была присуща поразительная музыкальность, и ритм стихов он ощущал и передавал не как производное метра, а как музыку. Свои стихи он «оркестровал» поразительно — и как поэт и как чтец. Интонации постоянно менялись. Например, стихи «Александр Герцевич» или «Моргулеты» произносились в совсем разных тональностях. Его музыкальность проявлялась, конечно, не только в поэзии — он был поразительным музыкантом, такого тонкого слушателя лестно было иметь любому исполнителю. Он любил Шумана, Шопена, Бетховена, Скрябина, Баха. Я часто играла ему — он слушал с блаженным видом и закрытыми глазами. При этом часто невнятно произносил какие-то слова, вероятно, музыка в его восприятии тотчас сливалась с поэзией.

Я не исследователь и не аналитик — мои заметки на это и не претендуют. Сейчас есть превосходные специалисты, занимающиеся творчеством Мандельштама. Но я горжусь и никогда не забуду своих встреч с этим удивительным человеком, озарившим нас своей гениальностью.

Публикация Г. А. Некрасовой